

Иванов А.А.

**«Дуэльные» казусы в преддверии революции:
к истории травли главы МВД А.Д. Протопопова**

В конце 1916 – начале 1917 года произошло сразу два дуэльных казуса с участием Александра Дмитриевича Протопопова – депутата III и IV Государственной думы, потомственного дворянина, отставного штабс-ротмистра, крупного землевладельца и фабриканта, члена Союза 17 октября. Протопопов, как и Родзянко, входил во фракцию октябристов, а после ее раскола в 1913 г. – во фракцию земцев-октябристов. В мае 1914 г. он был избран товарищем председателя Государственной думы, в 1915-м, как и остальные октябристы, вступил в Прогрессивный блок, а в 1916 г., неожиданно для либеральной оппозиции, принял предложение императора возглавить Министерство внутренних дел¹.

Отзывы о нем современников очень сильно зависели от их политических взглядов и мировоззрения и то, что одними подчеркивалось как достоинство, другими ставилось ему в упрек. Консервативно настроенный товарищ обер-прокурора Св. Синода князь Н.Д. Жевахов называл Протопопова благородным человеком и «великим христианином», «человеком блестящих способностей и дарований», не побоявшимся, несмотря на свои либеральные взгляды, бросить вызов представителям думской оппозиции и «открыто вступить с Думой в смертный бой»². Публицист И.И. Кольшко считал Протопопова шармером, фигляром, пролазой и кокеткой³. Генерал П.Г. Курлов – бывший однополчанин Протопопова, ставший затем его заместителем в бытность последнего главой МВД, соглашаясь с тем, что тот был шармер, вместе с тем отмечал, что «никто не мог отказать ему в уме и таланте». «Ведь недаром же он был *persona grata* Государственной думы, товарищем председателя которой он был неоднократно избираем громадным большинством! – вспоминал Курлов. – <...> Я помню, как часто навещал его <...> тот самый М.В. Родзянко, который впоследствии, 1 января 1917 года, не подал ему руки в Царском дворце. Он приезжал к А.Д. Протопопову советоваться по каждому мало-мальски серьезному вопросу <...> и даже привозил ему для редакции наиболее важные бумаги»⁴. Видный консервативный деятель Л.А. Тихомиров записал в дневнике: «Этот Протопопов производит впечатление какой-то само-

¹ Николаев А.Б. Протопопов Александр Дмитриевич // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 506.

² Воспоминания товарища обер-прокурора Святейшего Синода князя Н.Д. Жевахова. СПб., 2007. С. 236 – 238.

³ Кольшко И.И. Великий распад. Воспоминания / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. И.В. Лукоянова. СПб., 2009. С. 104.

⁴ Курлов П.Г. Гибель императорской России. Воспоминания. М., 2002. С. 272 – 273.

довольной болтушки»¹. Один из лидеров правых граф А.А. Бобринский, отмечая в частном письме, что Протопопова он знает давно и хорошо, считал, что это был «очень ловкий, изворотливый и много-много про всех и про вся знающий человек»². Для лидера кадетов П.Н. Милокова – это «был тип русского дворянина эпохи “оскудения”», представлявший «своеобразную смесь старомодного джентльменства и внешних доказательств дворянского благородства с психологией беспокойного искательства у сильных»³. По свидетельству же октябриста Н.В. Савича, Протопопов был «человек хорошо воспитанный, ласковый и обаятельный в обращении, умевший обласкать маленьких людей и польстить большим, притом недурной оратор и хороший работник», что позволило ему скоро выдвинуться в первые ряды партии⁴.

«Он со всеми ладил в Думе, не считая, конечно, крайних левых, ко всем умел подойти, быть любезным, – писал первый биограф и современник Протопопова Д.И. Заславский. – Его причисляли к прогрессивному крылу октябристов, у него были хорошие знакомые среди демократической интеллигенции, он даже позволял себе называть Короленко своим другом; в кругу еврейских банкиров он весьма гуманно и весьма деловито высказывался против ограничения евреев в правах, и в то же время в гостинной реакционнейшего генерала Богдановича заслуженные зубры бывали очарованы его речами. Он был умеренно либерален, но в правых кругах были известны монархические его чувства»⁵.

Долгое время Протопопов был для октябристов «своим», и председатель Государственной думы М.В. Родзянко даже рекомендовал его императору на пост министра торговли и промышленности, причем «в думских кругах эту кандидатуру сильно поддерживали»⁶. Как не без оснований полагал один из видных царских бюрократов Н.П. Харламов, «если бы Протопопов не попал в министры в сентябре 16-го года, то он оказался бы таковым в марте 17-го года, в составе Временного правительства, в первом кабинете общественного доверия»⁷.

---

¹ Дневник Л.А. Тихомирова. 1915 – 1917 гг. / Публ. А.В. Репников. М., 2008. С. 294.

² РГИА. Ф. 899. Оп. 1. Д. 150. Л. 13.

³ Милоков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 419 – 420.

⁴ Савич Н.В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 169.

⁵ Заславский Д.И. Последний временщик Протопопов. Л., [1927]. С. 23.

⁶ Родзянко М.В. Государственная дума и Февральская 1917 года революция // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 6. С. 50; Колышко И.И. Великий распад. С. 106; Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906 – 1917. Дневник и воспоминания / Вступ. ст., подг. текста, биограф. словарь и комментарий. Б.М. Витенберга. М., 2001. С. 148.

⁷ Цит. по: Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910 – 1917). М., 2016. С. 473.

В апреле – июне 1916 г. Протопопов был главой русской парламентской делегации, посетившей нейтральные и союзные страны. По оценке С.В. Куликова, «глава делегации буквально покори́л иностранцев», и английский король Георг V написал Николаю II письмо «с самой горячей рекомендацией» Протопопову, поскольку тот произвел на него и государственных деятелей Британии «впечатление человека, обладающего большой государственной мудростью»¹. М.В. Родзянко признавал, что его заместитель «успешно справился со своей задачей»². И даже кадетская «Речь» отмечала безусловный успех речей Протопопова в Париже и Риме³. «...Я думаю, – писал депутат-националист А.А. Ознобишин, – что всякий беспристрастный судья со мною согласится, что царю трудно было бы сделать лучший выбор лица на должность министра внутренних дел: Протопопов являлся не только народным избранником, но также вдвойне избранником Думы и сверх того лицом публично одобренным, признанным и возвышенным нашими союзниками. Можно ли было сделать лучший выбор?»⁴.

Действительно, назначение Протопопова главой МВД первоначально было благожелательно встречено в союзных странах, увидевших в этом «либеральный акт»⁵. Однако для российской оппозиции вхождение ее представителя в «реакционное» правительство оказалось неприемлемым. Очевидно, что император, предлагая ключевой пост представителю Прогрессивного блока, требовавшего «министерства общественного доверия», делал ему шаг на встречу, поскольку приглашал во власть человека, обличенного доверием Думы. Казалось бы, у царя были все основания рассчитывать, что таким выбором он внесет некоторое успокоение в думскую среду, но на деле вышло иначе. «С первого взгляда это кажется непонятым: Протопопов был 9 лет членом Государственной думы, принадлежал там к среднему течению во фракции октябристов, – вспоминал Савич. – Все это время он нес обязанности председателя комиссии по торговле и промышленности, а за последние годы был даже товарищем председателя Государственной думы. Все как будто должно было быть доказательством, что он пользуется полным доверием думских кругов, является среди нас своим и близким человеком. Однако ни одно назначение министром <...> не вызвало такого раздражения и недовольства, как Протопопова»⁶. Как

¹ Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914 – 1917). Рязань, 2004. С. 278.

² Родзянко М.В. Государственная дума и Февральская 1917 года революция. С. 50.

³ Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914 – 1917): 1916 год. Сверхнапряжение. М., 2015. С. 259.

⁴ Ознобишин А.А. Воспоминания члена IV-й Государственной думы. Париж, 1927. С. 237.

⁵ Алексеева И.В. Последнее десятилетие Российской империи: Дума, царизм и союзники России по Антанте. 1907 – 1917 годы. СПб.; М., 2009. С. 429.

⁶ Савич Н.В. Воспоминания. С. 169.

верно отмечает О.Р. Айрапетов, это назначение «было рассчитано на благоприятное отношение Думы, но не согласовано с ней»¹. По оценке С.В. Куликова, «казус А.Д. Протопопова» заключался в том, что он делал демонтаж существовавшей политической системы, к которому стремилась оппозиция, бессмысленным: «Если власть готова идти на такие уступки, то стоит ли с ней бороться?»² Но оппозиция убедила себя в том, что сотрудничество с системой невозможно и только ее снос способен открыть путь к строительству в России «прогрессивного государства».

Поэтому с самого начала оппозиция восприняла это назначение «в штыки». «Общее отношение Госдумы к А.Д. Протопопову после того, как он принял это назначение, можно охарактеризовать одним словом: негодование», – утверждал депутат князь И.С. Васильчиков³. П.Г. Курлов вспоминал, как в его присутствии Протопопов позвонил председателю Государственной думы, которого называл «старым другом», чтобы поделиться радостью от только что полученного назначения. Но в ответ неожиданно услышал: «Мне некогда теперь с вами беседовать!»⁴. Сам Родзянко, так комментировал свою реакцию на назначение Протопопова главой МВД: «Возмущению моему не было границ <...>. Принятие товарищем председателя Государственной думы поста министра внутренних дел в правительстве Штюрмера, после того как Дума только что высказала свое резко отрицательное отношение к премьеру и признала громко направление его политики вредным для государства, и после того, что Протопопов подписал резолюцию Прогрессивного блока думских партий, явилось предательством Государственной думы с его стороны... <...> ...Мы расстались врагами»⁵. А вскоре Прогрессивный блок начал настоящую травлю новоиспеченного министра, навесив на него ярлык сумасшедшего. (О том, что Протопопов лечился от нервных расстройств, знали и ранее, но его «сумасшествие» удивительным образом стало очевидно его бывшим товарищам лишь после того, как он согласился возглавить Министерство внутренних дел).

«...А.Д. Протопопов оказался в глазах Думы самым опасным предателем и изменником и... отсюда его травля, отсюда та яростная клевета, какая буквально разрывала А.Д. Протопопова на части, с каким-то бешеным остервенением... – вспоминал Н.Д. Жевахов. – Его называли то неврастеником, то сумасшедшим и, конечно, в первую голову “распутинцем”. Государь император был до крайности удивлен таким отношением к А.Д. Протопопову и говорил: “...Я всегда мечтал о мини-

¹ Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914 – 1917): 1916 год. С. 262.

² Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи. С. 282.

³ Васильчиков И.С. То, что мне вспомнилось. М., 2002. С. 111.

⁴ Курлов П.Г. Гибель императорской России. С. 273.

⁵ Родзянко М.В. Государственная дума и Февральская 1917 года революция. С. 50.

стре внутренних дел, который будет работать совместно с Думою... Протопопов, выбранный земствами, товарищ Родзянко... Протопопов был хорош в общественном мнении и даже был выбран делегатом за границу; но стоило мне назначить его министром, как его сделали сумасшедшим...»¹. Когда председатель Думы повторил молву о сумасшествии А.Д. Протопопова, то император, не выдержав, спросил: «С какого же времени он стал сумасшедшим? Вероятно с того момента, когда я назначил его министром...»².

Оппозиция возмущалась Протопоповым как «ставленником темных сил», обвиняла его в желании сепаратного мира с Германией, критиковала его за некомпетентность, но на деле ее в гораздо большей степени волновало другое: ее представитель, став министром и зная все думские расклады и настроения, демонстративно надел жандармский мундир и принял сторону власти. И хотя Протопопов не отказался от осуществления тех положений программы Прогрессивного блока, сторонником которых являлся, будучи в оппозиции, так и оставшись либералом (правда, уже не оппозиционного, а охранительного толка)³, он стал для либерального лагеря одним из главных врагов. В искренность его поступка оппозиция не верила, полагая, что из соображений карьеры и личного благополучия Протопопов продал ее идеалы. «...В нашей среде он оказался Иудой-предателем», – констатировал В.В. Шульгин⁴. А осведомленность Протопопова о планах оппозиции не могла не пугать. Государственный секретарь С.Е. Крыжановский, крайне нелестно оценивавший министра, но считавший его человеком «совершенно безвредным», полагал, что безудержная агитация, развернутая его бывшими друзьями, основывалась на том, что «они боятся Протопопова как человека, знающего много лишнего»⁵. О том же писал и Жевахов: «Дума трепетала перед ним, и у нее было только два выхода – или путем заискиваний вернуть доверие к себе министра

---

¹ Воспоминания товарища обер-прокурора Святейшего Синода князя Н.Д. Жевахова. С. 236. Об этом же писал и Н.П. Карабчевский: «Чего еще они хотят? – недоумевал император поведению думского большинства. – Я взял товарища председателя Государственной думы... Раз он был ими избран, значит, Дума ему доверяла и ценила его. Иностранная пресса в течение его поездки с Милоковым и другими думскими выдвигала его преимущественно. Союзники от него в восторге... Кого мне было еще искать? Они сами не знают, чего хотят!» (Карабчевский Н.П. Что глаза мои видели // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991. С. 155).

² Воспоминания товарища обер-прокурора Святейшего Синода князя Н.Д. Жевахова. С. 236.

³ См.: Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи. С. 281.

⁴ Шульгин В.В. Последний очевидец: Мемуары. Очерки. Сны. М., 2002. С. 400.

⁵ Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи / Публ. А.В. Лихоманов. СПб., 2009. С. 145.

внутренних дел, или же затравить его, признав сумасшедшим, для того чтобы обесценить его разоблачения»¹.

Этой «измены» Протопопову не простили. По словам А.А. Ознобишина, оппозиция задалась целью, во что бы то ни стало «свалить» министра, «главари Прогрессивного блока захлебывались от злости при произнесении одного имени Протопопова», «пущены были в ход обычные с кафедры Государственной думы средства борьбы: злословие, инсинуация, намеки, клевета»². Сам Протопопов в беседе с князем Жеваховым признавался: «...Я был... левым; а теперь, видите ли, не снимаю с себя формы шефа жандармов... Она для Думы то же, что красное сукно для быка. О, я великий предатель в глазах Думы...»³.

Попытки Протопопова наладить отношения с думской оппозицией («он не отказался от звания члена Думы – и даже порывался выступать как таковой»⁴), к которой он сам совсем недавно принадлежал, не принесли результата. Глава МВД хотел объясниться с депутатами, попросив Родзянко устроить для этого свидание с членами думского Совета старейшин, но надеждам Протопопова был нанесен жестокий удар. Во время этой встречи, состоявшейся 19 октября 1916 г. на квартире Родзянко, Протопопов пытался наладить отношения с депутатами, подчеркивая, что он «был и останется другом Думы», но примирительный жест был проигнорирован. Исполняющему обязанности министра внутренних дел было высказано немало обидных слов: ему отказали в былых товарищеских отношениях, намекали на его болезненное честолюбие, говорили о том, что он, приняв министерство, «уронил достоинство», указывали, что своими действиями он ведет Россию к гибели. «Если здесь говорят, что меня больше не уважают, – раздраженно заявил на нападки депутатов Протопопов, – то на это ответ может быть дан не в обществе, а лицом к лицу с пистолетом в руках»⁵. Это, конечно, не было вызовом обидчиков на дуэль, но расценить эту фразу как «декларацию о намерениях», как готовность требовать сатисфакции у барьера, в случае дальнейших личных нападок, как показали дальнейшие события, вполне возможно.

Таким образом, разрыв между министром и либеральной оппозицией был полный – «между Думой и Протопоповым, вышедшим в люди благодаря Думе, началась борьба»⁶. Я.В. Глинка вспоминал, как после оппозиционной речи графа В.А. Бобринского, который 19 ноября

¹ Воспоминания товарища обер-прокурора Святейшего Синода князя Н.Д. Жевахова. С. 236.

² Ознобишин А.А. Воспоминания члена IV-й Государственной думы. С. 240.

³ Воспоминания товарища обер-прокурора Святейшего Синода князя Н.Д. Жевахова. С. 237.

⁴ Милоков П.Н. Воспоминания. С. 439.

⁵ Совещание членов Прогрессивного блока с А.Д. Протопоповым, устроенное на квартире М.В. Родзянко // Последние дни императорской власти. По неизвестным документам / сост. А. Блок. Л., 1921. С. 148.

⁶ Савич Н.В. Воспоминания. С. 174.

1916 г. «донельзя резко» отзывался о Протопопове, последний «краснел и бледнел, и метался, пересаживаясь то на скамьи правительственные, то на депутатские места», «порывался отвечать, но очевидно боялся скандала»¹. В своей речи граф говорил, что «нет человека во всей России, который за два месяца сумел бы вызвать к себе такое не доверие, а такую ненависть, как министр внутренних дел». «Скажите, с кем он будет управлять Россией, на кого опираться? – вопрошал Бобринский. – На себя одного? Я слишком уважаю его коллег, чтобы допустить мысль, чтобы они с ним работали»². Заканчивая речь, граф бросил по адресу Протопопова: «Государю нужны верные люди, а не нужны ему холопы...»³. Речь эта, «полная явно неприличных и оскорбительных против Протопопова выражений», была покрыта шумными аплодисментами думского большинства⁴.

Протопопов порывался ответить на эти нападки, но премьер А.Ф. Трепов, посоветовавшись с министрами, запретил ему выступать в качестве главы МВД. Тогда Протопопов, по окончании речи Бобринского, попросил у Родзянко разрешения выступить ему в качестве депутата. Но председатель Думы, воспользовавшись тем, что время заседания подошло к концу, объявил его закрытым, так и не дав своему бывшему товарищу слова⁵. «Не знаю, прибежал ли Протопопов к содействию Распутина, чтобы занять пост министра, но что касается остальных обвинений и нападков, то все они крайне недобросовестны, – отмечал в частном письме депутат-священник П.Т. Населенко. – Большой недобросовестностью было и то, что ему не дали возможности сказать что-либо в свое оправдание»⁶. «Тяжело было видеть избиваемого человека, каким являлся вчера Протопопов, – писал депутат В.В. Лашкевич. – ...Сильна была и речь Бобринского против Протопопова: последний корчился, искал поддержки у своих коллег по кабинету, но те почти отворачивались от него»⁷.

Тогда оскорбленный министр решил потребовать от Бобринского сатисфакции. Выбрав доверенными лицами не входящих в Прогрессивный блок депутатов А.А. Радкевича (правый) и А.А. Ознобишина

¹ Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. С. 166.

² Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Пг., 1916. Стб. 292.

³ Там же. Стб. 296.

⁴ Ознобишин А.А. Воспоминания члена IV-й Государственной думы. С. 240.

⁵ Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. С. 166. Свой ответ критикам Протопопов позже опубликовал в газетах. См.: Письмо в редакцию А.Д. Протопопова // Новое время. 1916. 28 ноября; Ответ А.Д. Протопопова В.М. Пуришкевичу и гр. В. Бобринскому. Письмо в редакцию // Петроградская газета. 1916. 28 ноября.

⁶ Представительные учреждения Российской империи в 1906 – 1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции / Сост. К.А. Соловьев. М., 2014. С. 505.

⁷ Там же. С. 506.

(националист), которые в 1916 г. вместе с ним были участниками русской парламентской делегации за границу¹, Протопопов попросил их потребовать от Бобринского письменного объяснения, а в случае отказа – передать графу вызов. Данное Протопоповым поручение секунданты выполнили на следующий день, 20 ноября, передав Бобринскому указанное требование и добавив, что их доверитель как дворянин «усматривает в речи, произнесенной графом, выражения явно для него оскорбительные»². Выслушав визитеров, Бобринский попросил их вести дальнейшие переговоры с его уполномоченными – депутатами В.В. Шульгиным и князем И.С. Васильчиковым. В ходе консультаций выяснилось, что секунданты Бобринского солидарны с речью их доверителя, а потому не могут быть беспристрастными судьями в этом деле, но после предложения Радкевича и Ознобишина отделить политическую составляющую этого инцидента от личного оскорбления, согласились продолжить обсуждение³. Поскольку Бобринский изначально просил своих секундантов приложить усилия к тому, чтобы разрешить этот конфликт без дуэли⁴, Шульгин и Васильчиков согласились на предложение Протопопова, пообещав предоставить письменное объяснение графа. В письме графа, которое составил для него Шульгин⁵, в частности указывалось, что Бобринский, произнося с думской трибуны фразу «Государю нужны верные люди, а не нужны ему холопы», лишь хотел указать Протопопову, что царский министр не должен быть слепым исполнителем воли монарха, а обязан доносить до императора «неприкрашенную правду, даже рискуя иногда навлечь на себя царский гнев» и брать за свои поступки «всемерную ответственность, отнюдь не прикрываясь именем царя». «Ваши речи и поступки, – говорилось в письме, – вызвали у многих русских граждан, в том числе и у меня, сомнение: различаете ли вы грань, отделяющую истинного верноподданного от человека, который своей слепой готовностью может принести неисчислимые бедствия престолу и родине. Вот смысл моих слов. Я не хотел оскорбить вас лично. Я хотел, чтобы вы поняли, что, войдя в состав кабинета Штюрмера, с которым у вас не могло быть ничего общего, если искренни были убеждения ваши, вами до этого времени исповедуемые, вы совершили роковой шаг. Этот шаг и привел к неизбежным последствиям, которые я старался обрисовать в своей речи 19-го сего ноября. Готовый к услугам, граф В. Бобринский»⁶.

К большому удивлению секундантов Бобринского, Протопопов посчитал на этом инцидент исчерпанным⁷. По мнению Ознобишина, «за-

¹ Алексеева И.В. Последнее десятилетие Российской империи. С. 408.

² Письма в редакцию // Новое время. 1916. 12 декабря.

³ Там же.

⁴ Васильчиков И.С. То, что мне вспомнилось... М., 2002. С. 111.

⁵ Там же.

⁶ Письмо гр. В.А. Бобринского А.Д. Протопопову // Речь. 1916. 10 декабря: То же // Новое время. 1916. 13 декабря.

⁷ Васильчиков И.С. То, что мне вспомнилось... С. 111.

рвавшийся граф» признавал факт нанесения им оскорбления и брал своим «извинительным письмом» свои слова обратно¹. Васильчиков же, представлявший другую сторону конфликта, был убежден, что Бобринский «не беря ничего назад из им сказанного, только смягчил наиболее резкие выражения»². Последнее утверждение, несомненно, было ближе к истине, и Бобринский мог считать себя победителем. «Хотя благородный жест Протопопова, напомнивший прогрессивным ораторам, что он сумеет защитить свою честь шпагой или пистолетом, и заставил их быть осторожнее в выборе слов, но на деле вызвал еще большее против него озлобление», – отмечал Ознобишин³. А вскоре, вопреки утверждению Я.В. Глинки, что эта дуэльная история не была подвергнута огласке⁴, протоколы заседаний секундантов и письмо графа В.А. Бобринского были опубликованы в газетах⁵. Последнее обстоятельство, как указывали А.А. Ознобишин и В.В. Шульгин, и позволило им, уже находясь в эмиграции, рассказать об этом эпизоде в своих воспоминаниях⁶.

Но на этом околoduэльные приключения Протопопова не закончились. Новый инцидент, ставший последним столкновением между депутатами Государственной думы, грозящем дуэлью, произошел в самом начале 1917 года. 1 января, во время традиционного приема в Царском селе, по словам жандармского генерала А.И. Спиридовича случилась «сенсация»⁷. М.В. Родзянко, зная, что непременно встретит на нем А.Д. Протопопова, решил не подавать министру руки. «Войдя [в зал], – вспоминал Родзянко, – я просил церемониймейстера барона [П.П.] Корфа и [Д.И.] Толстого предупредить Протопопова, чтобы он ко мне не подходил. Не передали ли они ему, или Протопопов не обратил на это внимание, но я заметил, что он следит за мной глазами и, по-видимому, хочет подойти. Чтобы избежать инцидента, я перешел на другое место и стал спиной к той группе, в которой был Протопопов. Тем не менее, Протопопов пошел напролом, приблизился вплотную и с радостным приветствием протянул руку»⁸. Далее, если верить предсе-

¹ Ознобишин А.А. Воспоминания члена IV-й Государственной думы. С. 240 – 241.

² Васильчиков И.С. То, что мне вспомнилось... С. 111.

³ Ознобишин А.А. Воспоминания члена IV-й Государственной думы. С. 241.

⁴ Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. С. 168.

⁵ Письма в редакцию // Новое время. 1916. 12 декабря; Письмо гр. В.А. Бобринского А.Д. Протопопову // Речь. 1916. 10 декабря; То же // Новое время. 1916. 13 декабря.

⁶ Ознобишин А.А. Воспоминания члена IV-й Государственной думы. С. 241; Шульгин В. Pro domo sua // Русская газета. 1924. 30 ноября.

⁷ Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. Мемуары. М., 2004. С. 449.

⁸ Родзянко М.В. Крушение империи // Гибель монархии. М., 2000. С. 238 – 239. По информации газеты «Тульская молва», Протопопов, якобы, произнес следующие слова: «Здравствуйте, Михаил Владимирович, – с Новым годом!» (Инци-

дателью Государственной думы, разыгралась следующая сцена. Родзянко отверг протянутую руку бывшего своего софракционера и заместителя со словами «Нигде и никогда». Смущенный Протопопов, не зная, как выйти из затруднительного положения, якобы произнес: «Родной мой, ведь мы можем столковаться». «Он мне был противен, – писал Родзянко. – “Оставьте меня, вы мне гадки”, – сказал я»¹.

По утверждению Я.В. Глинки, чей рассказ об этом инциденте практически полностью повторяет воспоминания Родзянко, Протопопов побледнел и шепотом произнес: «Я пришлю Вам вызов», на что получил язвительный ответ председателя Думы: «Должно быть, через охранников»². Несколько иначе, ссылаясь на слова очевидцев этого инцидента, писала одна из газет. После того, как Родзянко не подал Протопопову руки, тот, якобы, спросил: «Что же, – это оскорбление? Значит, я могу послать секундантов?», но услышал в ответ от обидчика еще одну оскорбительную фразу: «Если они будут порядочными людьми, – пожалуйста!»³. Сам же Родзянко писал о намерении министра потребовать от него сатисфакции менее определенно: «Это происшествие, хотя и не во всех подробностях, появилось в газетах: писали также, что Протопопов намерен вызвать меня на дуэль, но никакого вызова не последовало»⁴. В связи с этим публикатор мемуаров Глинки Б.М. Витенберг полагал, что руководитель думской канцелярии записал этот рассказ со слов Родзянко, но выражал сомнение в том, имел ли место заключительный, грозящий вызовом на дуэль эпизод, поскольку председатель Думы его не подтверждает, а приписывает газетчикам⁵. Газеты, действительно писали о намерении Протопопова вызвать Родзянко на дуэль, передавая диалог между председателем Государственной думы и его бывшим товарищем очень близко к рассказу Глинки и Родзянко⁶. Причем «Русское слово» сообщало: «По позднейшим слухам, циркулирующим в кругах, близких к министерству внутренних дел, дуэль А.Д. Протопопова и М.В. Родзянко считается неизбежной»⁷. Однако этот эпизод подтверждает и сам Протопопов. На допросе Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства он так рассказывал об этом инциденте: «На мой поклон ему при

дент между М.В. Родзянко и А.Д. Протопоповым // Тульская молва. 1917. 4 января).

¹ Родзянко М.В. Крушение империи. С. 239.

² Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. С. 173.

³ Инцидент между М.В. Родзянко и А.Д. Протопоповым // Тульская молва. 1917. 4 января.

⁴ Родзянко М.В. Крушение империи. С. 239.

⁵ Витенберг Б.М. Комментарии // Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. С. 297.

⁶ См.: Инцидент М.В. Родзянко – А.Д. Протопопов // Новое время. 1917. 3 января.

⁷ Инцидент между М.В. Родзянко и А.Д. Протопоповым // Русское слово. 1917. 3 января.

встрече, когда б[ывший] царь уже ушел в комнату, он (Родзянко. – А.И.), повернувшись ко мне, сказал “нигде и никогда”. На мои слова о том, что я буду принужден послать к нему своих друзей, он ответил: “хорошо, как хотите”¹. Так что сомневаться в намерении Протопопова призвать Родзянко к ответу у барьера, нет оснований.

Явно рисуясь, Родзянко в мемуарах сообщает о том, как на докладе у императора, состоявшемся 10 января, он принес свои извинения за то, что позволил прямо во дворце столь некрасиво повести с его гостем и заметил, что Протопопов, видимо, не очень оскорбился, так как не прислал вызова. «“Как, он не прислал вызова?” – удивился царь. “Нет, ваше величество... Так как Протопопов не умеет защищать своей чести, то в следующей раз я его побью палкой”. Государь засмеялся»². Протопопов же утверждал следующее: «Зная, что вызов без разрешения царя я послать не могу, я составил письмо, в котором довожу до сведения Родзянко, что принужден отложить дуэль до того времени, как оставлю свое место. Настоящее же письмо прошу считать за вызов. Это письмо я показал б[ывшему] царю; он против его не возражал, но в тот же день [Н.Д.] Голицын (председатель Совета министров. – А.И.) воспротивился отсылке этого письма и пожелал вновь доложить дело царю. Я согласился. Дубликат письма был засвидетельствован Куколем³ и еще не помню кем, с обозначением, что подлинник находится у председателя Совета министров. Через два дня Голицын мне сказал, что б[ывший] царь, после его доклада, высказался против отсылки письма, которое осталось не посланным; по утверждению моих секундантов, причина была уважительная, и я сохранял право послать это письмо после выхода в отставку...»⁴. Учитывая, что А.Д. Протопопов рассказал о подробностях этого дела лишь двум депутатам – независимому правому А.А. Радкевичу и правому националисту А.А. Ознобишину⁵, уже представлявшими его интересы в конфликте с графом В.А. Бобринским, есть основания полагать, что именно они снова были избраны им в секунданты.

Реакция на эту скандальную выходку Родзянко, вспоминал А.И. Спиридович, была разной. «Одни злорадствовали, другие находили, что Родзянко поступил невежливо по отношению того высокого

---

¹ Падение царского режима. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М.; Л., 1925. Т. 4. С. 38.

² Родзянко М.В. Крушение империи. С. 239.

³ Имеется в виду С.А. Куколь-Яснопольский, товарищ министра внутренних дел А.Д. Протопопова.

⁴ Падение царского режима. Т. 4. С. 38. Об этом же А.Д. Протопопов сообщал и лидеру астраханских монархистов Н.Н. Тихановичу-Савицкому, который, видимо, недоумевал, почему министр не послал М.В. Родзянко вызов. «За некорректную форму прекращения знакомства и притом на новогоднем приеме – расчет последует, когда лично буду свободен. Министрам дуэли не разрешаются» (РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1165. Л. 172).

⁵ Падение царского режима. Т. 4. С. 38.

места, где позволил себе эту выходку. Их Величества порицали Родзянко и находили его поступок неприличным. Даже дворцовые лакеи находили, что Родзянко не умеет себя держать во дворце»¹. Общество явно ожидало дуэли, но никаких сведений о подготовке к ней Родзянко и Протопопова не было. И, тем не менее, слухи о «неизбежности» поединка продолжали будоражить общество еще достаточно долго, чему отчасти способствовали и сами виновники инцидента. 19 января во время многочленного раута у итальянского посла маркиза А. Карлотти ди Рипарбелла, устроенного в связи с прибытием в Петроград делегации из союзной Италии², «бывшие друзья – ныне заклятые враги» Родзянко и Протопопов снова пересеклись, но сделали вид, что не заметили друг друга. Министр, завидев председателя Государственной думы, демонстративно повернулся к нему спиной, Родзянко, в свою очередь, также отвернулся. «Не собираетесь ли вы теперь меня вызвать на дуэль?» – спросил Родзянко, обращаясь к находившемуся рядом депутату А.А. Ознобишину, на что получил заверение, «что в этом отношении для него пока опасности не предвидится, и он может спастись спокойно»³. Собиравший в Думе информацию для правительства чиновник Л.К. Куманин записал 6 февраля 1917 г.: «...После полуночи распространились слухи о том, что состоялась дуэль между А.Д. Протопоповым и М.В. Родзянко. По одной версии, убит А.Д. Протопопов. По другой версии, убиты оба противника. Только к 2 ч. ночи оказалось, что все эти слухи – вздор, и тревога улеглась»⁴.

В итоге до дуэли дело так и не дошло. Ни подать в отставку, ни исполнить своего намерения А.Д. Протопопову не довелось. Это обстоятельство не преминул отметить перешедший на сторону оппозиции В.В. Шульгин, заявивший 17 февраля 1917 г. в Думе, что новый министр земледелия А.А. Ритгих должен отказаться от своего поста, сказав Протопопову, что с таким соседством ему доверия быть не может. «Правда, Александр Дмитриевич, пожалуй, пригрозил бы, что он его вызовет на дуэль, но я могу успокоить министра земледелия: пригрозит, но не вызовет», – язвительно добавил депутат под смех и рукоплескания думского большинства⁵. А менее чем через две недели, 28 февраля 1917 г. Протопопов, добровольно явившись в Таврический дворец, капитулировал перед Февральской революцией, был арестован, а затем отправлен в Петропавловскую крепость. Вместо отставки Александра Дмитриевича, после прихода к власти большевиков, жи-

¹ Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. С. 449.

² См.: Обед у итальянского посла // Новое время. 1917. 20 января; Раут у итальянского посла // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1917. 20 января.

³ Ознобишин А.А. Воспоминания члена IV-й Государственной думы. С. 246.

⁴ Донесения Л.К. Куманина из министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 2000. № 4 – 5. С. 27.

⁵ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Пг., 1917. Стб. 1495.

дал расстрел, осуществленный чекистами в 1918 г. в порядке «административного усмотрения»¹.

Смирнова А.М.
Социальное положение, чаяния и надежды
петроградской интеллигенции накануне
Февральской революции (1916 – начало 1917 гг.).

Говоря о петроградской интеллигенции накануне Февральской революции, надо, прежде всего, рассмотреть, как и чем жила рядовая интеллигенция в тот переломный период, обозначить сложившуюся в столице к концу 1916 г. ситуацию. Интеллигенция, будучи частью российского социума, реагировала на те же внешние и внутренние раздражители, что и все российское общество в целом, только реакция эта была специфической в силу особой психологической организации данной социальной группы. Понимала ли интеллигенция, стоящая на пороге великих событий, как они изменят весь ход течения истории страны, предвидела ли социальные масштабы и последствия тех дней?

В России хлебное снабжение городов было нарушено уже к осени 1915 года, а через год положение с продовольственным снабжением стало еще более тяжелым. Власти начали выпуск бумажных денег, большая часть государственных доходов тратилась на военное дело, рубль постепенно обесценивался. «В настоящее время <...> люди лихорадочно хватаются за приобретение золота, бриллиантов, ищут иностранную валюту, но последнюю трудно приобрести. Притом, золото можно реквизировать. Приобретают дома, и цены на все это сильно вздулись», – писал И.Х. Озеров, экономист, выборный член Государственного совета от Академии наук и университетов². Попытки хоть как-то сохранить семейные сбережения чаще всего оканчивались ничем. «Все говорят только о сахаре, муке, крупе, дровах, воде», – констатировала писательница А.В. Тыркова-Вильямс, характеризуя ситуацию того времени³. С началом войны несколько тысяч врачей, учителей, художников, писателей были призваны на положении запасных нижних чинов наравне с лицами, ранее проходившими действительную военную службу. Тысячи ушли на фронт. «В больших городах среди учащихся преобладают учительницы; достаточно сказать, что в городе Москве из общего числа учащихся начальных училищ учителя составляют всего 8%, а в Петрограде их почти нет вовсе»⁴. И если для армии призыв тысяч учителей, инженеров, актеров – ничто, то для русской культуры это было тяжким ударом – была уничтожена преем-

¹ Николаев А.Б. Протопопов Александр Дмитриевич. С. 506.

² ОР РНБ. Ф. 541. Д. 52. Л. 2.

³ ГА РФ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 18. Л. 22.

⁴ Звягинцев Е.А. Народные учителя и война // Русские ведомости. 1914. 8 сентября.